

Дачники и зимогоры

Многие обстоятельства жизни петербуржцев в русской Финляндии сохранились их мемуарах и в воспоминаниях тех, кто бывал у них в гостях.

В последнее десятилетие XIX века рыбацкий поселок Куоккала стал превращаться в популярную дачную местность. А после появления станции Оллила она постепенно стала не просто популярной, а престижной.

Критика источников

Здесь, за Белоостровом, как писали мемуаристы XX века Дмитрий Засосов и Владимир Пызин, «стояли виллы с огромными участками. В последнее десятилетие прошлого века эти места сделались модными. Постройки были настолько богаты, что дачи Репина “Пенаты”, писателя Леонида Андреева выглядели скромно». Впрочем, есть и другие мнения. Например, академика Дмитрия Лихачева, семья которого снимала дачу в Куоккала в 1911–1918 годах. Дмитрий Сергеевич пишет, что здесь «дачи были относительно дешевы» и поэтому селилась на них «петербургская интеллигенция – преимущественно артистическая». Самим Лихачевым, например, летняя дача помогала экономить на городском жилье. Ведь квартира из пяти комнат, которую они обычно снимали в районе Мариинского театра, «стоила половину отцовского жалованья». Такое противоречие, вероятно, объяснимо тем, что в разных частях огромного поселка цены на дачи были разными (плюс к тому, конечно, разница в масштабах самих дач). Так, снять дом ближе к морю – а в то время снимали именно дома, а не комнаты – стоило дороже. Самые дорогие места были как раз в стороне станции Оллила и дальше по заливу, а самые дешевые – за железной дорогой.

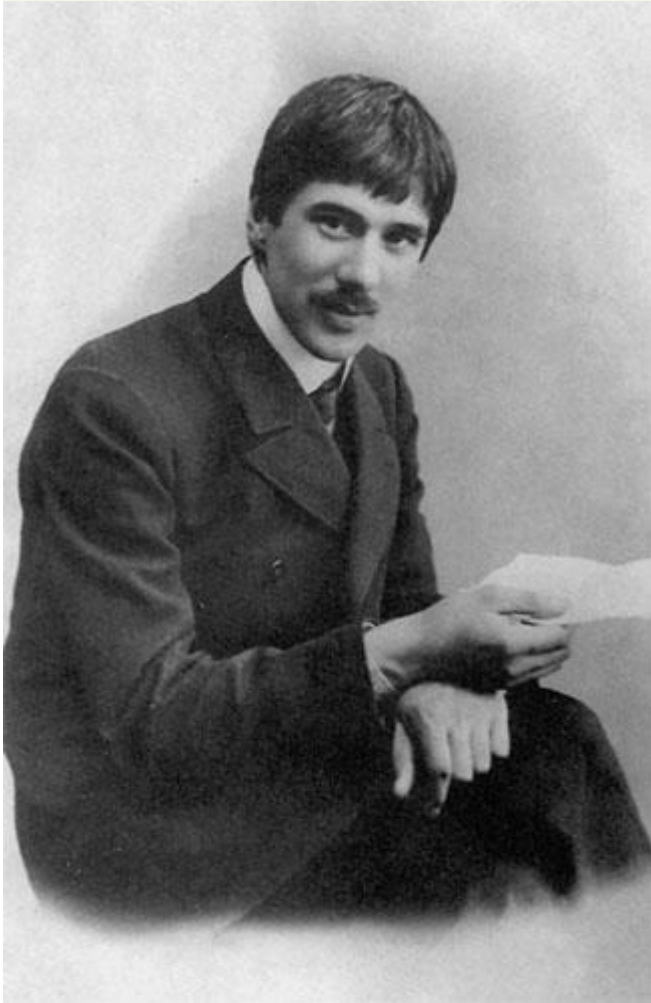

Илья Репин со своими гостями в Куоккала. В верхнем ряду слева направо: И. Репин, В. Стасов, Л. Андреев, М. Горький, И. Тарханов. 1905 год

Центральной улицей здесь служила Большая дорога (нынешнее Приморское шоссе), на ней можно было встретить и местных знаменитостей, и столичных гостей – скажем, идущих со станции Всеволода Мейерхольда или Алексея Толстого. А Короленко, по словам Чуковского, любил «брать заплатанную старую кошелку и – чаще всего в сопровождении детей – отправляться в ближайшую лавку за овощами и хлебом». Лавки и магазины в основном были устроены именно на Большой дороге.

Досуг

Днем в хорошую погоду все стремились на пляж. Летом он был уставлен будками для переодевания, в которых дачники хранили шезлонги, весла, удочки, купальные костюмы, детские игрушки. Лихачев рассказывал: «Весной, как только дачники переезжали на нанятую ими дачу, хозяин водворял будку на воз и вез ее на пляж, где вместе с моим отцом они

Корней Чуковский. 1910-е годы

Другая возможная неточность подобных воспоминаний – в определении границ поселков. Лихачев, к примеру, в своих воспоминаниях все время говорит о Куоккала, но поясняет, что Илья Репин жил на границе с Оллила, а недалеко от его дома снимали дачу и сами Лихачевы (в последние годы –

выбирали место для “нашей” будки. Часто будок было так много, что их выстраивали в два ряда (естественно, что в менее удобном втором ряду ставились будки поздно переехавших на дачу)». В жару пляж гудел от шума голосов, особенно детских, а по воскресеньям здесь звучала музыка небольшого оркестра, приходившего развлекать отдыхающих. Вечером дачники любили прогуливаться – кто по песчаному берегу залива, кто по бетонной дорожке, которая шла около заборов выходящих к морю участков. По воспоминаниям Лихачева, «жизнь дачной местности летом была совершенно непохожа на современную. Дачники постоянно общались, ходили друг к другу в гости, обсуждали все новости – как газетные, так и местные. Каждый заботился о своей репутации, о том, что о нем говорят. Наряжались не только для того, чтобы похвастаться своей портнихой, но и чтобы создать “свой образ”. Мария Альбертовна Пуни одевалась экстравагантно, другие – подчеркнуто скромно или “строго” – в аристократическом вкусе».

Многие с удовольствием ходили на спектакли летнего театра, устроенного в западной части Куоккала. Иные, как старший брат Лихачева Михаил, даже участвовали в спектаклях. Здесь же, по словам Дмитрия Сергеевича, «выступал иногда и Маяковский... На благотворительных спектаклях стремились поразить неожиданностями. Ставились фарсы, шутили над всеми известными дачниками». Над театром витал дух озорства, но были и серьезные постановки. А кроме того, с его сцены «Репин читал свои воспоминания. Чуковский читал “Крокодила”. Жена Репина учила травоедению». Когда же в 1905 году здесь поставили «Детей солнца» Максима Горького, зрители съезжались на премьеру даже из Петербурга.

у Ивана Шайковича, советника посольства Сербии в Петербурге, поэта и переводчика русской поэзии на сербский язык).

Местные

Уже на территории Оллила, то есть современного Солнечного, стояли дачи Анненковых и Пуни. Старший Анненков, Павел, – бывший народоволец, его сын Юрий стал художником и прославился иллюстрациями к блоковским «Двенадцати». А Альберт Пуни, чей дом стоял «на самом берегу против Куоккальской бухты», – виолончелист оркестра Мариинского театра, сын известного композитора Цезаря Пуни и отец не менее известного художника Ивана Пуни. Тот и родился здесь, на Финском взморье, а уехав во Францию, как заметил Лихачев, «до конца жизни любил писать пляжи, напоминавшие ему о его счастливом детстве». Обе семьи принадлежали к зимогорам – так называли тех, кто жил на своих дачах круглый год. Одно время дачу Анненковых снимала семья молодого Корнея Чуковского.

На берегу моря в Оллила. Открытка. Начало XX века

Гости

Наконец, в Оллила и Куоккала, как и в столице, проходили артистические журфиксы. Так, Владимир Маяковский, снявший здесь дачу за 65 рублей, которые выиграл в лотерею, постоянно нуждался в деньгах, ему не хватало даже на еду. Тогда он «установил семь обедающих знакомств». По воскресеньям, когда собирались у Чуковских, он «объедал» Корнея Ивановича, в понедельник – другого дачника, театрального режиссера и критика Николая Евреинова, и так далее. По средам собирались у вегетарианца Репина. «Ем репинские травки, – вспоминал позднее поэт. – Для футуриста ростом в сажень – это не дело». Кого только не бывало на этих еженедельных обедах. Дочь Чуковского Лидия Корнеевна рассказывала: «К моему отцу по воскресеньям приезжали из Петербурга художники, писатели, актеры, поэты, историки литературы и публицисты. Девочкой я встречала у нас в доме Шалыпина, Маяковского, Н. Евреинова, Леонида Андреева, Владимира Короленко». Сам Чуковский писал: «Вокруг чайного стола затевались бурные, молодые, часто наивные споры: о Пушкине, о Достоевском, о журнальных новинках, также о волновавших нас знаменитых писателях той довоенной эпохи – Куприне, Леониде Андрееве, Валерии Брюсове, Блоке».

Семья Чуковских за обедом. Куоккала. 1912 год

В то время Корней Иванович еще не был детским писателем (свою первую сказку, «Крокодил», он сочинил для сына в 1916 году – в поезде по пути на дачу). Журналист, недавний сотрудник одесских газет, свой первый успех он завоевал как литературный критик и именно в эти годы. Появившись впервые в Куоккала в 1906 году, Чуковские провели здесь несколько

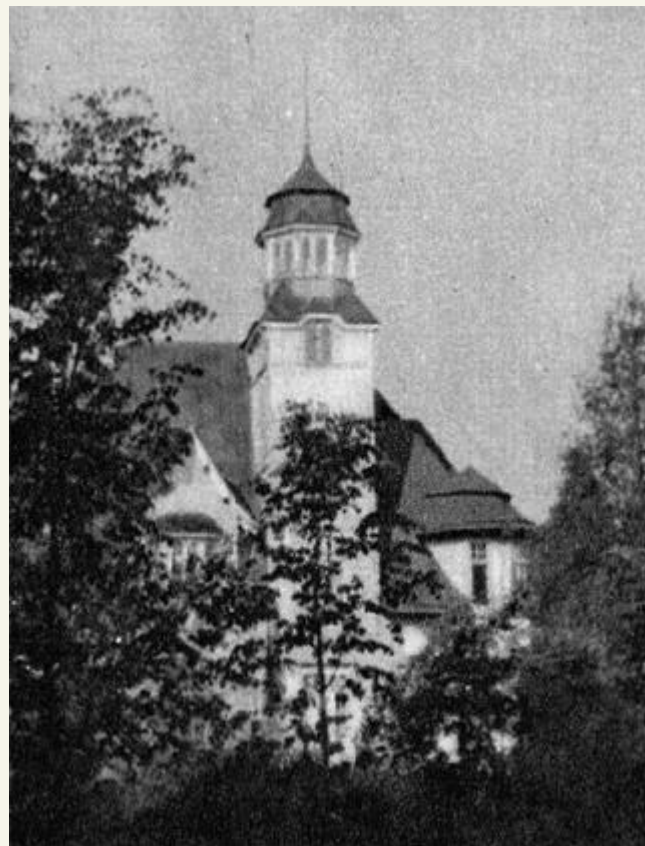
сезонов, а потом также превратились в зимогоров. В этом им помог Илья Репин, друг Корнея Чуковского и тоже зимогор. Корней Иванович рассказывал: «Он купил на мое имя ту дачу, в которой я жил тогда (наискосок от “Пенатов”), перестроил ее всю от основания до крыши, причем сам приходил наблюдать, как работают плотники, и сам руководил их работой. Уже по тому изумлению, с которым он встречал меня в позднейшие годы всякий раз, когда я приходил возвращать ему долг (а я выплачивал свой долг по частям), можно было видеть, что, покупая мне дачу, он не ждал возвращения затраченных денег». Среди других зимогоров – ученый-естественник Григорий Бренев, который в 1909 году выстроил себе здесь двухэтажный домик. Он устроил физиологическую лабораторию, а также пасеку, птичий двор, разбил вокруг сад и вел обширное хозяйство, используя современную технику.

На даче Чуковского в Куоккала, которую порой именовали «Чукоккала», в 1913 году родился знаменитый рукописный альманах с тем же названием. Его составляли автографы и рисунки многочисленных гостей Чуковского. Рисунок Юрия Анненкова

Бывая у Чуковских, Репин, как ни странно, много времени проводил с Велимиром Хлебниковым и Маяковским. Увидев набросанные Маяковским шаржи, в том числе и на него, Репина, художник заметил: «Самый матерый реалист. От природы ни на шаг, и чертовски уловлен характер». А на даче «Мирное» (в Оллила), принадлежавшей протоиерею церкви Святой Екатерины Леониду Тихомирову, бывала уже иная компания – друзья его зятя, горного инженера Сергея Муратова. Вместе с бывшим народовольцем Николаем Морозовым они основали в 1909 году Русское общество любителей мироведения, которое объединяло астрономов, геофизиков, метеорологов, вулканологов и других ученых. Эта мирная, почти идиллическая жизнь прервалась в 1918 году. Здешние дачники разделились уже не на летних и зимогоров, а на тех немногих, вроде Репина и Бренева, кто остался на территории независимой Финляндии, и тех, кто уже не мог вернуться сюда. Их бесхозные дома быстро ветшали и регулярно грабились. В июле 1923 года Репин писал Чуковскому: «Вчера, проходя Оллила, с грустью посмотрел на потемневший дом Ваш, на заросшие дороги и двор, вспоминал, сколько там было приливов и отливов всех типов молодой литературы!.. И многое множество брошюр видел я в растерзанном виде на полу, со следами от всех грязных подошв, валенок, среди ободранных роскошных диванов, где мы так интересно и уютно проводили время...» Многие обветшавшие дачи были проданы за бесценок и потом, разобранные новыми хозяевами, перевезены в Выборг и Гельсингфорс. Д. Б.

Поблизости обитали и другие известные дачники: писатели Максим Горький, Леонид Андреев, Владимир Короленко, Сергей Сергеев-Ценский. Даже Владимир Маяковский как-то одно лето жил здесь. Правда, одни из них устраивались за пределами нынешнего Солнечного, а с точными адресами других еще нужно разобраться. Однако разные части Куоккала в то время были как сообщающиеся сосуды, и ничто не мешало общаться дачникам с разных концов поселка. Академик Дмитрий Лихачев вспоминал: «Почти все (кроме новичков) были знакомы друг с другом, ходили друг к другу в гости. Создавали благотворительные сборы, детские сады на общественных началах. Взрослые и дети вместе играли в крокет, в серсо, в рюхи. На даче у Пуни большими компаниями катались на “гигантских шагах”... Пожилые играли в саду в винт и преферанс. Неторопливо беседовали. Церковь была общественным местом, где собирались все, в том числе лютеране и католики».

Одна из типичных финских дач

Местный

Иван Михайлов

музыкант, профессор Санкт-Петербургской консерватории – о детстве, проведенном в Солнечном

Мой дед, петербургский врач, до революции имел собственную дачу возле нынешнего пансионата «Дюны». С ней было связано детство моей мамы, артистки ТЮЗа и «Ленконцерта» Татьяны Ткаченко. Может, поэтому, когда я в 1954 году пошел в школу, они с бабушкой сняли дачу по соседству – в центре Солнечного. Центром поселка в то время считался перекресток Приморского шоссе и улицы Танкистов. Здесь находились почта, пост милиции и несколько магазинчиков, а на углу – керосинная бочка. Вместе с бабушкой я ходил по магазинам, выстаивая в каждом из них в очереди. А потом, повесив на руль велосипеда бидоны с керосином, вез их к нам в соседний переулок Танкистов. Там в старом деревянном доме мы снимали холодную половину, вернее, комнату (стоила такая тысячу-полторы рублей за сезон). А теплая половина сдавалась какой-то богатой семье с собственной «Победой». В то время хозяева летом отдавали внаем любой пригодный для того угол, а сами жили во временках. По соседству находилась территория подсобного хозяйства «Красный выборжец», куда мы, мальчишки, лазили за клубникой, вишнями и яблоками. Случалось, получали от сторожа заряд соли из ружья. Местом наших постоянных игр была песчаная горка возле шоссе, где устраивали землянки для хранения картошки. А в самом переулке мы играли в городки, или, как тогда говорили, рюхи. К ним нас приохотил отец соседского паренька, человек очень спортивный, хотя и потерявший на войне руку. Он же учил нас плавать в заливе. И еще мы пробовали ловить там рыбу. Тогда вода была чище, и на мелководье заплывал судак. Каждую неделю мы ходили в клуб на фильмы про войну и приключенческие, вроде «Тайны двух океанов». А когда я начал заниматься музыкой, кинемеханик дядя Коля пускал меня играть на стоявшем в клубе пианино.

В 1960-е годы занятое дачами пространство в поселке заметно увеличилось. Начали строить сотнями типовые летние домики, которые принадлежали дачному тресту. Сначала – у Вокзальной улицы, вдоль шоссе к Белоострову, потом – за железной дорогой, среди леса. Кончилось мое детство, и мы перестали ездить в Солнечное. Но в 1990-е, когда маме было уже около восьмидесяти, ее снова потянуло сюда. Она несколько лет снимала дачу, точнее, верхний этаж гаража у того же дяди Коли.